

Хорошо знакомый зрителям телесериал "Улицы разбитых фонарей" выдвинут на соискание ТЭФИ сразу в четырех номинациях. Роль Казанцева (он же неутомимый сыщик капитан Казанцев) сыграл в этом фильме Александр Лыков, которого на недавнем Всероссийском фестивале телевизионного кино "Горное эхо" признали лучшим актером года.

— Саша, как ты сам объясняешь свой успех?

— Знаешь, я профессиональный артист, который привык отвечать за свою работу. Я всегда старался делать ее хорошо, правда, по мере своих в принципе очень слабых сил и большой лени.

— А ты смотрел все серии "Улиц..."?

— Я смотрел все серии, потому что это моя работа, надо же видеть, что ты сделал, что дальше делать, чтобы было хоть какое-то развитие. Это в Америке есть специальные люди, которые пишут диалоги, развивают сюжетные линии. А здесь мы сами себе сценаристы. Есть серии, где мы просто цирк устраивали. Чистой воды трюковая клоунада шла, я тебе серьезно говорю. Одна серия, помнишь, начиналась с того, что я с вышки падаю? Это когда на ноги тебе привязывают резиновый канат.

— Тарзанка называется...

— Вот именно — тарзанка, причем я сам это предложил. Говорю: давайте. Я прыгну, только оплатите прыжок. Пожалуйста, сказали мне. Не поверишь, из-за переживаний я за три дня похудел на 10 килограммов. Боялся. Меня же никто психологически не готовил к этому. Ну и вот, прихожу я совершенно трезвым утром на съемки. Пошел дождь, ну, думаю, может, все-таки снимать не будут. А мне говорят: будем ждать, когда дождь кончится. Я осмотрелся, и мне плохо стало: стрела крана и будка, которая поднимает тебя наверх, уже рядом. Я встал в нее, и только она поехала — почувствовал, что высоты мне, в общем-то, уже хватает. А будка все едет и едет вверх, уже виден Исаакиевский собор — это из Озерков-то. Внизу все с овчинку. Я думаю: е-мое. Ну ты прикинь: поднимают тебя на высоту двадцатипятиэтажного дома и говорят: прыгай вниз головой. И я, значит, сдуру-то говорю: хорошо, а сам понимаю, что это же шаг в пропасть.

— То есть обратной дороги нет?

— Куда, брат? Сзади уже оператор снимает. Потом, правда, выяснилось, что он и снять-то ничего не успел. Причем я же прыгал не один. Я должен был, как Казанова, обязательно выпендриться и прыгнуть с девушкой. Сначала я пытался уговорить одну актрису, но та наотрез отказалась. Выручила одна девочка-курсантка, маленькая такая — согласилась прыгать со мной в качестве каскадерши. Пока мы поднимались вместе в этой клетушке, я потерял и дар речи, и дар мысли. Девушка, как я понимаю, тоже была в полусознательном состоянии. Поднялись наверх, и она так прыг-прыг к краю, причем не останавливаясь. Видно, ей было уже все равно, лишь бы поскорее упасть куда-нибудь. А я чувствую: надо пережить момент вечности. И вот я переживаю этот момент, а она уже просто камнем вниз идет, понимаешь? Я не успеваю даже сказать "последнее слово", как за ней туда же. Тарзанка устроена так, что до конца долетаешь, а потом тебя обратно на ту же высоту подбрасывает. Вроде бы летел-летел, только пришел в себя, а ты опять наверху и все опять по новой. Ощущение классное. Вот где адреналин гуляет, так это на таких аттракционах.

А потом мы гоняли на мотоцикле, который за три секунды набирает скорость 120 километров в час. Это просто "Формула-1" какая-то. Вот такой цирк мы устраивали: гонялись на мотоцикле, прыгали с высоты, дрались на крыше...

Труд-1999 — 9 апр — с. 10

ПРАВИЛЬНЫЙ МЕНТ

Фото из журнала "ТВ-парк".

— Как к тебе стали относиться соседи по дому после выхода сериала?

— Всех удивляет, что я стал популярным артистом, а почему-то в быту у меня ничего не меняется. Та же неотресторированная квартира, та же побитая, сплюснутая со всех сторон машина. И они как бы не очень понимают: парень популярен, деньги должны быть, где же они? Я говорю: ребята, все есть, но не здесь. Это чтобы вас, говорю, не дразнить. Но в принципе я считаю, что жизнь артиста должна быть закрытой темой для зрителя. Им обязательно нужна сказка про этого человека. Поэтому, когда артист показывается, — это должно быть событием. Я не могу себе позволить появиться на людях грязным, пьяным, больным. Потому что я у людей стал вызывать улыбку, и это, ты знаешь, меня радует. Хотя в принципе я там играю полного раздолбая, но тем не менее он вызывает у людей хорошую реакцию, не агрессивную, а добрую. И я бы хотел, чтобы это продолжалось. Потому что мне этот имидж в принципе очень нравится.

— А внутренне ты похож на капитана Казанцева?

— Мы разные люди, я просто физически это ощущаю. Капитан Казанцев — это совершенно отдельный персонаж, у него свой характер, своя жизнь, собственное сознание. Ему нравится ловить преступников — и все. Он сыщик, и этим все сказано. Как охотник, например, может стоять три часа по пояс в холодной воде, выжидая утку. Так и эти ребята работают. Они кайфуют от своей работы, я другого объяснения не могу найти. Особенно те правильные менты, которые не берут взятку.

— За творческое мастерство в создании образа сотрудников

милиции, которое содействует нравственно-патриотическому воспитанию личного состава, глава МВД С. Степашин лично вручил создателям телесериала "Улицы разбитых фонарей" диплом и денежную премию. Это правда, что он даже готов был принять вас в штат?

— Да, он распорядился зачислить нас всех в управление и уже со следующего дня рассадить по кабинетам. Но это была, конечно, шутка.

театральный институт. Девушка была красивая, у нее были ухажиры, романы разные. А я был очень смешной — худенький такой, прыщавый, нос длинный, юношеские прыщи на скулах.

Помню, я надевал галифе с завязками, кожаные туфли, какой-то невероятный пиджак в клеточку, шляпу, брал здоровый зонт и так шел через центр города к ней. Народ радовался! Все думали: вот чуело... А мне нравилось, и никаким

чуелом я себя не ощущал. Я думал, что в этом есть некоторый стиль. И вот так я ходил к ней периодически в гости на любовные свидания. А потом приехала ее мама, моя будущая теща. И как-то так получилось, что я попросил руки. Причем — у тещи. У меня как-то так выговорилось, понимаешь? Я не готовился к такому заявлению и вдруг предложил теще руку и сердце. Она сказала: "Ты, наверное, Саша, перепутал", — и объяснила мне, как нужно мне поступить. Вот так я сделал предложение, и мы начали жить, что называется, женатой жизнью. Хотя я питерский, а они с Кубани. И им вроде как положено выходить за своих казаков. Я ж к тому же еще цыган по деду. Он такой черный, с седьмой. Григорий Иванов — вот тебе чисто цыганская фамилия. Это уже по батке я Лыковым стал.

— Ну и как тебе опыт семейной жизни?

— На самом деле это очень серьезный опыт, который много дает для творчества. Тем более учитывая необычайную стержность супруги, с которой я живу уже лет пятнадцать. То есть, я тебе скажу, семейная жизнь — это не мед. Я не катаюсь, знаешь, как сыр в масле. Это вечные бои с утра до вечера. Это претензии попеременно к любовным атакам, доходившими до истощения. То есть она меня, я тебе скажу, иногда кусает от какого-то бешеного восторга. В общем, с ней не соскучишься.

Разводимся мы не переставая. Я уже и уходил от нее, и жил один, и много всякого происходило. Но когда мы окончательно решили развестись, то вдруг становилось понятно, что друг без друга мы не можем. В общем, фигня какая-то получается.

Хотя в целом я достаточно смиренно принимаю ситуацию и думаю, что браки, судя по всему, все-таки заключаются на небесах. Поэтому особого смысла уходить из семьи нет, потому что отношения с женой — это твоя нерешенная проблема. Если ты не решишь ее в этом браке, она обязательно придет к тебе в следующем. Потом у меня ж дети растут. Мальчик и девочка. И, знаешь, я смотрю на них, и они мне нравятся. Сейчас много разного говорят о поколении, которое идет нам на смену. Я считаю, за них не надо беспокоиться. Надо, я тебе скажу, беспокоиться за наше поколение. Мы немножечко подрастерялись, конечно. Такое началось, мамоньки мои: все ниже, ниже и ниже опускаемся. Поэтому надо не бояться работать — сейчас это основная задача. И тогда мы сделаем то, что надо, и достойно уйдем. Потому что уйти-то надо будет.

— Что ты думаешь об этом?

— Ты знаешь, брат, ужас смерти велик, я тебе скажу. Я вот сейчас

ехал в машине, думал как раз об этом... Во-первых, мы не знаем о том, что при этом происходит. А во-вторых, трудно представить, что обратной дороги нет. Наша память дает нам возможность все время возвращаться в прошлое. А состояние, когда больше ничего нет и не будет — ни прошлого, ни будущего, — это как-то непостижимо. Оглянешься — вроде весь мир на месте, позвонишь Маше, Коле — вроде все здесь. А когда Маша или Коля со свистом улетают из этого мира — это не вписывается, честно говоря, в обычные представления. Эти вопросы так или иначе решает каждое поколение. А у нас все решения сегодня связаны с обеспечением прожиточного минимума. Наверное, надо обязательно выходить на другой уровень. Поэтому не надо заботиться о будущих поколениях — ни тебе, ни мне конкретно. Нам необходимо выполнить свою задачу, чтобы у нас все сложилось. Тогда и у них все состоится.

— Многие питерские актеры переезжают в Москву. Тебя это не прельщает — все-таки столица?

— Во-первых, в Москву переезжают по приглашению. А во-вторых, честно тебе скажу, я не стремлюсь туда. Думаю, что это достаточно пустоватый город, там много дурного, что ли, не соответствующего содержанию. В этом смысле Петербург — рабочий город, здесь люди работают, вкалывают. Поэтому, я считаю, если и уезжать отсюда, то лучше в Париж, чем в Москву.

— Парле ву франсе?

— Да какой там франсе, я и с английским-то, брат, спотыкаюсь... Хотя когда в Америку ездили, я там начал разговаривать. То есть в принципе я не безнадёжен в этом отношении. То же самое может произойти и с французским языком в конце концов. Но на сегодняшний день я хочу работать только здесь.

— Какие роли классического репертуара тебе хотелось бы сыграть?

— Дон Жуана, Сирано де Бержерака. Но я думаю, что я все-таки еще не дорос до некоторых вещей, связанных с этими ролями. Дон Жуан выписан довольно мощно, хотя, на мой взгляд, все же уступает Сирано.

— А как насчет Гамлета?

— Ой, ну что ты. Мне кажется, что там уже настолько все прямо объяснено, что как бы нечего и играть. Конечно, есть вещи, которые остаются вечными. Но изменение скорости жизни диктует появление иных, более современных тем. Должно появиться что-то другое, и оно, кстати, уже рождается потихоньку. В театре, в литературе.

— А в кино?

— Чего о нем говорить, если его нет? Я понимаю, телефильмы — это, по сути, малобюджетное производство, которое на сегодняшний день еще может выжить. А кино непонятно даже зачем снимать, когда в кинотеатры народ не ходит, проката нет. К тому же это не только год рождения Пушкина, но и год выборов. Поэтому все средства будут направляться именно туда. И телевидение будет работать на ту же волну. Между каналами будет расти конкуренция. И, кроме политических программ, необходимо будет показывать какие-то рейтинговые передачи, всякие маньяки и мыльные оперы, которые любят смотреть зрители.

— Как ты думаешь, какие политические силы поставят на "ментов"?

— Кто поставит на "ментов", тот выиграет — это я могу гарантировать. Потому что влияние этого фильма нешуточное. Когда огромный мужик после пятого стакана влетает в магазин с какими-то агрессивными намерениями и вдруг, увидев тебя, узнав, начинает обнимать и лезет целоваться, — это, я тебе скажу, говорит о многом.

— В последних сериях Казанова не участвовал, прошел даже слух, что ты уходил из "Ментов". Если это так, то зрители, конечно, будут огорчены, они очень полюбили твоего героя...

— Давай пока не будем об этом. Сериал снимается, а я, скажем так, просто взял паузу.

Иван ЕВДОКИМОВ.